

В рамках издательской программы МСПС готовится к выходу двухтомник большого русского поэта Валентина Сорокина, снискавшего признательность в международной литературной среде и восхищение за своё «обжигающее русское слово». Новые книги получают названия «Чаша судьбы» и «Тоска по крыльям». Больше тридцати лет Валентин Васильевич вёл Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького. Сам выходец из народа, прошедший заводскую закалку у мартеповских печей, он стал настоящим державным поэтом, искренне выражающим свои надежды в богатырских героических поэмах «Евпаний Коловрат», «Дмитрий Донской», «Оранжевый журавлёнок», «Огонь», «Палестинец», «Судьба», «Обелиски», «Дорога», «Дмитрий Донской», «Былое», «Бессмертный маршал» (Георгий Жуков).

«Поэт громкий и мужественный, — скажут о нём современники. — Природный уральский самородок, закалённый в огненной доменной печи.

Иных он опаляет огнём своего мартена, других восхищает имперская плавка его поэзии. Поэт каслинского литья, самой высокой пробы».

За книгу «Хочу быть ветром» Валентин Сорокин был удостоен Государственной премии РСФСР. Лауреат премий имени М.Шолохова, А.Твардовского, В.Фёдорова.

Стихи Валентина Сорокина переведены на многие европейские языки, на арабский, японский и хинди.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию подборку из его нового двухтомника, который ещё ждёт своего читателя.

— Валентин СОРОКИН —

«Всё из огня, и всё уйдёт в огонь!»

Стихотворения разных лет

Вечер тёплый, вечер снежный,
Вечер лунный и большой.
Как мне быть с такою нежной,
Непослушною душой.
То поёт она, то плачет,
То звенит во тьме густой.
По равнине тройкой скачет,
В небесах горит звездой.
То зелёною травинкой
Так дрожит она вдали,
Что склоняюсь я повинной
Головою до земли.
Не во мне ль нашли сплетенья
Все пути, все рубежи,
Мировые нетерпенья,
Грозные мятежи.
Хлопья снега на ладони
Я держу, а в стороне
На ветру шумит и стонет
Мать-берёза обо мне.

Ладони Урала

Очень горько, когда непогода,
Дождь и сырость, и слякоть, и мгла.
Словно жизни святая свобода
Навсегда в черноте залегла.

Словно был ты и не был, и дали,
И окрестных пригорков леса
Отзвенели уже,
Отсверкали
На прощание — прямо в глаза.

Я, захлёстнутый пламенем боли,
Всё утратил, что радостно нёс,
И летящее русское поле,
И мятежные крылья берёз.

Но, рождённый на звёздной дороге,
На ладонях Урала во мгле,
В этот миг и тоски и тревоги
Ничего не боюсь на земле!

Мне ли трудно понять, что ушедшим
Больше в мире покоя дано?
Без таких вот, как я,
сумасшедших
Охладело бы солнце давно.

Гороскоп

«О, мой белый и тонкий Лель...»

Ваши стрелы не тронут меня,
Не пронзит, не погубит молва.
Я родился под знаком Огня,
Под могучим созвездием Льва.

Грудь мою целовала в метель
Василиса, на санках лета.
Что мне тощий, измученный Лель —
Слепоты и бесстрастия дитя?

Вам, не знающим преданных слёз,
По-мужски не ласкавшим невест,
Не услышать лебяжьих берёз,
Надо мною шумящих окрест.

Я не прячу ножа под полой,
Воры совести, карлики тьмы,
Не призваньем, а вздорной золой
Обессонены ваши умы.

Хоть брани вас, хоть громко проси,
Не поймёте в рутинных неволь, —
По таким вот, как я, на Руси
Тосковала бунтарская голь.

Подводила на сходках коня,
Говорила державны слова.
Я родился под знаком Огня,
Под могучим созвездием Льва.

Не боюсь я ни беды, ни смерти,
Жил, как дрался, плача и круша.
Выноси меня из мелковерти,
Русская отважная душа.

Никого не хаю, не ругаю.
— Здравствуйте! — открыто говорю.
Всем, кто пал на фронте, — присягаю,
Кто меня травил — благодарю!

Вот сомкну глаза — куда же деться! —
Разрывая сумерек струну,
Вновь стучит ошеломлённо сердце
Через полуночную страну.

Уличаю, а не обличаю,
Жду я славы для своей судьбы,
Родину пою и величаю,
Вскинутую мощью на дыбы.

Давче в небе самолёт крутился,
На равнине колосился хлеб.
Я родился — враг перекрестился,
Чёрный ворон вздрогнул и ослеп!

Всё из огня

— Всё из огня, и всё уйдёт в огонь! —
Мой дед, бывало,
молвил на гулянке.
И высекала глыбная ладонь
Огонь любви из крохотной тальянки.

Огонь любви к берёзам и полям,
К застенчивой девчоночьей улыбке,
К нахимовским ревушим кораблям
И к русичам,
что полегли у Шипки.

Но умер дед внезапно ясным днём,
Прославя мир гармошкой и делами.
И я зажгён в знак памяти о нём
Огромное неистовое пламя.

Оно южжит, вскипая и звеня,
Гудит и стонет,
как в грозу антенна.
И полонила юного меня
Клокочущая музыка мартена.

Огонь, огонь, то розовый с краёв,
То рыжий под седыми небесами,
От всполохов,
багряных соловьёв,
И жуткий свет и тьма перед глазами.

О соловьи, жестокие огни,
В искрящемся, текучем, звёздном иле!
...Как я боюсь, чтобы меня они
В нежданный миг совсем не ослепили.

Мне говорить о Родине

Мне говорить о Родине — как петь,
Как тысячу слепых врагов иметь,
Да, тысячу, да, тысячу врагов
С грохочущих заморских берегов,
Где царствует и золото, и ложь,
Уравновесить — на весы положь!
Мне говорить о Родине — как петь,
Как миллион товарищей иметь.
Кровь русская недаром пролилась
И на востоке пламенем взялась.
На западе знамёнами взошла,
На севере снега зарей зажгла.
На юге заалела, занялась,
Кровь русская недаром пролилась.
Мне говорить о Родине — как петь,
Как звонкий лук, как тетиву иметь —
И поверять сквозь лающую мглу
Великой речи грозную стрелу!..

Иван-да-Марья

День наполнен синевою.
Лезут тени в погребя.
Ухожу я с головою
В придорожные хлеба.

Загустелая пшеница
Плещет волнами в зенит.
То под ветром серебрится,
То вздыхает, то звенит.

Пахнет клевером и пылью,
Острой сдобой соломы.
Солнце огненные крылья
Распластало над селом.

Веет бор смолистой гарью,
Пни угрюмые крепки.
И цветы Иван-да-марья
Тихо бродят вдоль реки.

По цветам заря гуляла,
Потому из немоты
Светят розово и ало
Те высокие цветы.

В глубях знойного тумана,
Поднимись-ка в полный рост, —
Кроме Марьи да Ивана —
Никого на сотни вёрст...

Медуника

Ливень вымоет леса.
На поляне полудикой
Прорастут твои глаза
Одиноким медуникой.
И в негромкой стороне,
Умудрённые веками,
Ветры память обо мне
Пронесут за облаками.
Будет вечер, синевы,
Будет солнышко смеяться.
Соловьиные слова
Снова будут повторяться.
И весёлая, как есть,
Жизнь продолжится земная.
Медуника будет цвести,
Ничего о нас не зная.

Подсолнухи цветут

Подсолнухи искрятся и цветут,
От них заросший золотится пруд.

И золотое поле льётся, льётся,
И солнце под короною смеётся.

Ему, большому, с четырёх сторон
Кивает малых тысячи корон.

И ты идёшь, на голове корона —
Сошла, царица,
с неземного трона.

Июль, июль, тревожный лунный свет
От звёзд и соловьёв спасенья нет.

И мы лугам, подсолнухам дивимся:
Они цветут, и мы —
не повторимся!

Лунный шар укатиться хочет,
Вдалеке по холмам звеня,
Ощущенье тоски и ночи
Так охватывает меня.

Солнца не было, на поляны
Залегла от ненастья тень,
И, наверно,
ужасно пьяный
Дождь раскачивался весь день.

И печалились в роще птицы.
И желалось мне горячо,
Изнурённому,
чуть склониться
На родное твоё плечо.